

— Ши-гунян ведь не бывала в покоях моей матушки, откуда же вы знаете, что там растет туговое дерево? — с любопытством в голосе произнес Сяо Юй.

Ши Яо опустила голову и принялась баловать маленькую черную собачку на коленях. Услышав вопрос Сяо Юя, она даже не подняла глаз и лишь легко усмехнулась:

— Только что госпожа вошла сюда в спешке, и на подоле ее юбки осталась половина тугового листа. Лист тот широкий, а у вас во дворе таких деревьев не сыщешь.

При мысли о туговых листьях в сердце Ши Яо вспыхнуло отвращение.

Та женщина кичилась своим происхождением от крови Феникса, день напролет гнездилась на ветвях тунгового дерева, а ее золотые перья сияли так ярко, что смотреть на окружающих она презирала больше всего.

Она вечно твердила, что простое происхождение Ши Яо, впитавшей в себя земной дух тунгового дерева, лишь оскверняет чистую обитель, где обитает Феникс.

Со временем даже самые обычные туговые листья стали казаться Ши Яо невыносимо колючими и противными.

Сяо Юй, услышав это, невольно мысленно восхитился: эта девушка обладает поразительной проницательностью и умеет замечать малейшие изъяны.

Его сомнения до конца не рассеялись, и он продолжил расспросы:

— Неужели Ши Яо происходит из рода предсказателей и владеет искусством определять чужую жизнь и смерть, а также предвещать удачу и беду?

Ши Яо покачала головой, опустила брови и улыбнулась:

— Я не из семьи гадателей. Просто мой правый глаз не такой, как у остальных: он способен постигать круговорот сил Инь и Ян и прозревать судьбу простых смертных.

Едва она договорила, как в ее глазах на мгновение блеснул красный свет, а правый зрачок при солнечном свете слабо отливал какой-то необъяснимой, смутной темнотой, отчего сидевший напротив Сяо Юй невольно поежился.

Ши Яо мысленно вздохнула: ей действительно стоило поблагодарить эту полуразрушенную оболочку Мэйван за доставшиеся в наследство чудесные глаза, способные прозревать Инь и Ян и видеть судьбу.

Сейчас она застряла в этом месте, каждый шаг дается ей с трудом, и если она собирается в будущем странствовать по этому миру, без подобных способностей ей не обойтись.

Хотя прозревать жизнь и смерть и самовольно судить о несчастьях и удачах в мире считалось великим табу, но кто из сильных мира сего и знатных родов не ворочал делами по своему усмотрению и разве станет считаться с подобными мирскими правилами?

Ши Яо внимательно изучила эту оболочку Мэйван и поняла, что по сравнению с ее прежним телом разница была поистине колоссальной.

Даже в таком виде эта плоть намного превосходила заурядные смертные тела, а скрытая в костях и сухожилиях демоническая сила была таковой, что простым смертным оставалось лишь завидовать издалека.

Оставалось лишь сожалеть, что та Мэйван действовала столь решительно и совершила самоподрыв: все меридианы в ее теле были переломаны, а внутренние органы превратились в мешанину.

За эти пять дней Ши Яо тайком занималась культивацией, по крупицам залечивая эту покалеченную оболочку, и лишь сегодня ей кое-как удалось приподнять верхнюю часть туловища, чтобы не лежать пластом, словно грязь.

Но беда в том, что духовная энергия здесь была крайне скудной, и сколько бы она ни усердствовала в тренировках, ее уровень силы оставался прежним.

Ши Яо терзали смутные сомнения: неужели Небесный Путь установил в этих землях запрет и не позволяет живым существам из мира бессмертных и демонов ступить сюда?

Однако эта Мэйван изначально была демоническим существом, порожденным злобой тысяч несправедливо погибших людей. По идее, Небесный Путь, чтящий справедливость, давно должен был ниспослать небесную кару и развеять столь скверное создание в прах — с чего бы ему позволять ей существовать в этом мире?

Все эти дни не было заметно даже намек на небесную кару. Чем больше Ши Яо размышляла, тем страннее ей все это казалось: неужели Небесный Путь в этих краях изначально несовершенен?

Или же за появлением на свет этой Мэйван стоял кто-то другой, да так ловко, что даже Небесный Путь оказался ослеплен?

Сяо Юй велел служанкам должным образом разложить по местам все повседневные вещи Ши Яо, а затем приказал двум слугам поднять кресло, в котором она сидела, и перенести его в Беседку Омовения Облаков.

Миновав галереи и переходы, они вскоре прибыли во двор.

Ши Яо подняла глаза и увидела на дощечке над входом в жилые комнаты три выписанных изящным и чистым почерком иероглифа: Павильон Чистых Облаков. Выглядело это довольно утонченно.

Сяо Юй слегка нахмурился и с извиняющейся улыбкой произнес:

— Ши-гунян, это место не столь просторно, как мои прежние покои, зато здесь тихо и никто не станет докучать. Если в дальнейшем вам что-то понадобится, просто скажите Цин Хэ, и она передаст все мне.

Все эти дни за Ши Яо ухаживала именно та служанка по имени Цин Хэ.

Ши Яо кивнула в ответ. Раз уж пришла, придется смириться. Сейчас ее силы полностью истощены, передвигаться тяжело, и заполучить такое укрытие от ветра и дождя всяко лучше, чем скитаться и ночевать под открытым небом.

Сумерки сгущались, редкая луна повисла над карнизом, и чистый свет залил всю комнату. Лунный свет во дворе был мягким, раздавалось тихое стрекотание цикад, а ночной ветерок шевелил бумагу на окнах.

Цин Хэ помогла Ши Яо лечь, на цыпочках притворила дверь, мелкими шажками вернулась в соседнюю комнату для слуг и улеглась отдыхать.

Хотя Ши Яо закрыла глаза и лежала неподвижно, сон ее был неспокоен: дух еще не восстановился, и ее то и дело донимали кошмары.

Внезапно в комнате мелькнул слабый свет, и в месте вспышки медленно материализовалась совсем бледная человеческая тень. Силуэт был тощим, а черты лица тонули в полумраке, так что их невозможно было разглядеть.

Незнакомец вглядывался в лицо Ши Яо на кровати, протянул руку, желая коснуться темных узоров между ее бровями, но прямо перед ее кожей резко замер.

Спустя лишь мгновение призрачный свет вспыхнул вновь, и тень рассеялась, словно туман, не оставив после себя и следа — в комнате по-прежнему царил лишь холодный лунный свет.

Ресницы Ши Яо под пологом кровати едва заметно дрогнули, но сама она не проснулась.

Она словно застряла в густом тумане кошмаров — то ли видя во сне ту самую женщину, что называла себя потомком феникса, то ли возвращаясь в дни прежних беззаботных утех.

Аромат от только что исчезнувшей фигуры, смешанный с едва уловимым запахом дерева цоуму, словно послужил завязкой для кошмара, переплетя ее сны в запутанный клубок.

Ши Яо пребывала в полусне-полуявь, чувствуя, до чего же знаком этот запах, словно разделенный неисчислимыми веками.

Этот холодный и отрешенный аромат вился вокруг ее ног, тонкий и настойчивый, пропитывая каждый сустав тяжелым, неизъяснимым оцепенением.

Злоба в сердце Ши Яо поднялась волной, но тело не слушалось, и от внутреннего жара ее внутренности буквально горели.

Так в мучениях прошло время до рассвета, пока оконная бумага не окрасилась в бледно-золотой оттенок.

Она резко распахнула глаза, уставилась на вышитые узоры из переплетенных ветвей пиона на полог, и злоба в ее глазах мгновенно растаяла.

После полудня стояла ясная и погожая погода, веял мягкий и приятный ветерок.

Ши Яо тихо сидела у окна, прикрыв глаза, и вокруг нее словно струилось слабое духовное сияние.

Вдруг до слуха донесся шум голосов снаружи, нарушивший эту тишину.

Она слегка нахмурила брови и медленно открыла глаза. Занавеску резко отдернули, и Чэн Сужоу в сопровождении служанки ворвалась внутрь.

— Ши-гунян, будьте добры, взгляните на это. — Чэн Сужоу указала на предмет в руках следовавшей за ней служанки, завернутый в красную ткань.

Ши Яо развернула сверток: внутри оказалась вырезанная из персикового дерева куколка, сплошь утыканная серебряными иглами, к которой была прикреплена желтая бумажка с записанной на ней датой рождения Чэн Сужоу.

Оказалось, что накануне слуги усадьбы Чэн проводили уборку возле тунгового дерева и случайно выкопали эту вещь.

Под допросом служанка не выдержала и выложила все как на духу.

В слезах она рассказала, что у нее есть родной младший брат — поначалу вполне

благонравный парень, которого дурные люди заманили в ловушку, приучили к азартным играм, и за считанные дни он залез в огромные долги.

Кредиторы явились к ней с угрозами и заявили: если она сможет лишить жизни госпожу Чэн, долг будет полностью прощен, вдобавок ей дадут большую сумму серебра, чтобы она могла увезти брата далеко отсюда и зажить под чужим именем, а преследовать ее никто не станет.

Чэн Сужоу пришла в ужас и ярость. Она отправила людей в тот игорный дом, и те, пойдя по ниточке, схватили упомянутого служанкой мужчину.

После суровых пыток этот человек не выдержал боли и наконец выдал истинного заказчика — им оказалась княжна Аньнин, вернувшаяся в столицу лишь в прошлом месяце.

Чэн Сужоу снедала ярость. Она считала себя всего лишь затворницей из внутренних покоев поместья, которая никогда прежде не встречалась с княжной Аньнин.

Между ними не было ни вражды, ни обид — так почему же эта женщина пошла на такие изощренные и коварные меры, устроив смертельную ловушку и во что бы то ни стало желая сжечь ее со свету?

<http://bllate.org/book/19421/1901966>